

ЭВОЛЮЦИЯ НАСТРОЕНИЙ ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКИХ РАБОЧИХ В ОКТЯБРЕ 1917—ДЕКАБРЕ 1918 гг.

В статье рассматривается проблема определения взглядов ижевско-воткинских рабочих в 1917—1918 гг., которые привели их к участию в антисоветском восстании 1918 г. Цель исследования — пересмотр прежних представлений о данном предмете и получение достоверных научных знаний о настроениях и интересах населения Ижевска и Воткинска в 1918 г. На основе наработок историографии, а также вводимых в научный оборот архивных источников установлено, что настроения рабочих на данных заводах определялись материальными и личными интересами, отличались патриархальностью и слабой политизацией, популярностью умеренных лозунгов Учредительного собрания и неучастия в войне. В заключение подчеркивается, что слабая оформленность настроений рабочих и аполитизм большинства из них позволили утвердиться у власти сначала большевикам, а после их противникам, однако индифферентность большинства рабочих в обоих случаях ослабляли положение властей.

Ключевые слова: Ижевско-Воткинское восстание, антибольшевистское движение, рабочий класс, повстанческое движение, Гражданская война, «демократическая контрреволюция».

Вопрос о том, каким образом на Ижевском и Воткинском заводах с преобладанием пролетариата и сильными большевистскими организациями в августе 1918 г. могло быть поднято антисоветское восстание, давно занимал исследователей. Важнейшей в этом отношении является проблема взглядов и интересов рабочих в данный период. В советские годы считалось, что их обманом на участие в восстании спровоцировали эсеры, меньшевики и офицеры [1; 2, с. 92—126]. В белоэмигрантских сочинениях причины виделись в жестокости большевиков и патриотических настроениях рабочих [3, с. 41—46; 4, с. 149—150]. Сегодняшние многочисленные исследования, несмотря на большое число выявленных данных и интересные подходы, еще не поставили точку в этом вопросе [5, с. 310—316]. Данная статья делает попытку разобраться в этой проблеме на основании прежних исследований и архивных данных, часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Основная часть. Исследователям хорошо известно, что долгие годы ижевско-воткинский рабочий класс был патриархальным и политически слабо развитым. Его жизнь напрямую была связана с казенными заводами Ижевска и Воткинска, хорошо снабжавшимися из казны. Поддерживая лояльность рабочих, администрация давала им ряд определенных льгот вроде личных покосов, скота, огородов; сквозь пальцы смотрела на дисциплину, оценивая только норму выработки. Поколениями привязанные к заводу, рабочие нередко обрастали мелкой собственностью вроде домов, наград, сбережений. В начале XX в. с пробуждением в России общественно-политической жизни положение стало меняться. Окончательно изменила все Февральская революция, втянувшая десятки тысяч рабочих

в политику. Вначале большинство шло за меньшевиками и эсерами, но их неготовность к решительным изменениям сыграла против них. Упала и без того традиционно невысокая дисциплина, выросло недовольство на заводах [6, с. 6—21].

Поэтому, получив 27 октября 1917 г. весть об Октябрьской революции, ижевские большевики легко добились ее признания. Их противники покинули Совет, и большевики быстро начали преобразование: введение рабочего контроля, установление 8-часового дня, отмену сдельщины и т.д. Это было в интересах рабочих, поэтому Совет пользовался поддержкой, а численность большевиков многократно возросла. Эсеро-меньшевики были повсюду переизбраны. Распространение получили также и левацкие, синдикалистские настроения, популярные в Прикамье с его преобладанием неквалифицированных рабочих, — а именно анархисты и эсеры-максималисты. Последние стали второй по важности партией. Особенно много их было в Красной гвардии. Максималисты держали себя независимо и даже вызывающе к коммунистам, часто с ними конфликтуя даже по мелочам. Бесконтрольные действия Красной гвардии, ее реквизиции и даже убийства приведут в итоге в апреле 1918 г. к вооруженному противостоянию, которое закончится разоружением максималистов. Однако обстановка вынудила обе стороны сохранить политический блок [7, с. 35—37].

Казалось бы, положение большевиков было достаточно крепкое. Однако прибывшие в январе 1918 г. эсеро-меньшевики выявили антисоветские настроения части рабочих из-за разгона Учредительного собрания и стали на этом играть [8, л. 22]. А весной 1918 г. положение ухудшилось из-за разрухи, недостатка продовольствия, безработицы.

Многие иногородние «чистые» пролетарии уехали из-за демобилизации промышленности. На этом фоне оживилась оппозиция. Большевики же из-за отсутствия опыта и занятости на административной работе начали терять влияние и допустили разложение своих рядов. 25 мая председатель исполкома И. Д. Пастухов и секретарь Ф. Фокин писали ЦК, что если после Октября у них было 1700 членов, то теперь осталось 400. Основной причиной они видели влияние других партий — эсеров, меньшевиков и даже приехавших из Кронштадта анархистов. Авторы просили крепких партийных кадров для развития агитации среди рабочих [5, с. 266].

Результаты кризиса быстро выявились. 27 мая 1918 г. в Ижевске прошли перевыборы Совета, в который из 134 чел. прошло 70 эсеро-меньшевиков и беспартийных [7, с. 45]. Эсеро-меньшевики предложили резолюцию, фактически требовавшую отказа от советской власти. Беспартийные же в целом признали резолюцию большевиков о признании власти Советов, но внесли некоторые уточнения, например, что они признают власть Совнаркома, выполняющего решения ВЦИК. В итоге голосование прошло по вопросу «власть Советов или Учредительного собрания?». За Советы голосовало 64, за Учредительное собрание — 70. На следующий день при голосовании по цехам оказалось, что рабочие раскололись почти надвое: за Советы — 15 резолюций, за Учредительное собрание — 14. Эсеро-меньшевикам пришлось предложить временно оставить старый состав исполкома. Наконец в июле прошли новые перевыборы, которые дали эсеро-меньшевикам большинство. Главой Совета стал эсер В. И. Бузанов, его заместителем — меньшевик П. Михайлов [7, с. 45–50]. Осознав, что они не могут победить политическими средствами, большевики пошли на разгон исполкома. 17–21 июля он был распущен, часть социалистов арестована, и власть вернулась к старому составу. Интересно, что внешне рабочие почти не отреагировали на это, кроме нескольких протестовавших мастерских [5, с. 263; 9, с. 6–7]. Характерно в этой связи решение собрания сверлильно-токарной мастерской от 17 июля 1918 г.: «Постановили единогласно вопрос оставить открытым, т.к. от нашей мастерской арестованных нет» [7, с. 50].

Причины этого подробно раскрывает доклад комиссара С. И. Холмогорова в центр. Он четко делил рабочих на ничего не имеющих бедняков, в основном приезжих, и рабочих-собственников, имеющих дома, покосы, сбережения и занимавших привилегированное положение вместе с местными зажиточными крестьянами. И если первая группа вначале преобладала, то к майским перевыборам, по его оценке, из-за увольнения с завода приезжих и сокращения рабочих, они соотносились уже как 40 % к 60 %. Холмогоров предупреждал: «...партия располагает очень слабой реальной и еще слабее политической идейной силой в данное время, и в среде мелкобуржуазной массы она не в силах справиться самостоятельно с надвинувшейся угрозой» [10, с. 67–69].

При всей драматичности событий в них явно участвовала лишь небольшая доля политизированных рабочих. Среди остальных выросли абсентеизм и равнодушие к власти [5, с. 261]. Так, в майских выборах 1918 г. Совета принимало участие не более 20 % рабочих, причем большинство в Совете получили беспартийные. Это неудивительно — весной-летом 1918 г. это явление отмечалось по всей

стране, т.к. большевики не могли быстро ликвидировать накопившиеся проблемы, а эсеро-меньшевики были заметно скомпрометированы неэффективной работой в 1917 г. Как итог, рост усталости, аполитичности и одновременно оппозиционности эсеро-меньшевистских элементов был очень распространен среди рабочего класса.

Все же, по некоторым данным, на фоне силового подавления оппозиции некоторые рабочие подержали правящую власть. Например, на электростанции на собрании рабочих от 27 июля по поводу посылки делегатов в Совет большинство высказывалось за представителей крайне левого течения. Меньшевик Мерзляков в итоге был смещен на большевика Зторыгина [7, с. 50–51]. Вполне возможно, что часть рабочих действовала не из идейных, а из конформистских или меркантильных мотивов. Так, яркий пример на той же электростанции — некий Андрей Цепенюк после свержения самодержавия стал, как и большинство, меньшевиком и был делегирован в Совет. После Октября он был из Совета отозван и надолго затих. А уже весной 1918 г. он неожиданно стал ярким анархистом и участвовал в перевыборах цехкома [11, л. 31–32].

Положение завода также приоткрывает доклад инструктора ВЦИК Гольдберга, посетившего его в июне 1918 г. Его данные подтверждают собственный характер многих рабочих и распространившийся среди них абсентеизм, когда из 17 тыс. членов профсоюза металлистов взносы платили только 4 тыс.: «Здесь также обсуждался вопрос о вытеснении полупролетариата, но так как большинство рабочих — полупролетариат, то этот вопрос бояться затронуть». По его данным, «рабочие завода, ничего не делая, зарабатывают бенешные деньги», и завод осаждали тысячи крестьян, желавших высоких зарплат. Производство пало, потому что цеховые комитеты установили себе минимальные нормы выработки, выполнявшиеся за 4 часа вместо 8: «Тарифные ставки здесь приняты петроградские со скидкой на 10 %, несмотря на то, что цены на продукты здесь во много раз ниже петроградских. Хлеба здесь вполне достаточно по 30 рублей за пуд, тоже можно сказать и про мануфактуру, которая совершенно свободно продается без карточек. В средствах завод не стеснен, и за все время революции тут ни разу не было заминки в деньгах, и рабочие живут здесь припеваючи, не интересуясь совершенно политической жизнью страны» [12, л. 2–3].

Не все в докладе стоит принимать на веру — известно, что в начале 1918 г. Совет остро конфликтовал с Главным артиллерийским управлением, не желавшим отпускать средства заводу, управляемому рабочими. Но показательно, что инструктор не увидел никаких тяжелых угрожающих обстоятельств. Нет также веских данных, что здесь был запрет на свободную торговлю. Напротив, писавший очерк восстания в 1920-е Н. Сапожников упоминает лавки с очередями, продававшие хлеб по низким ценам, но ничего о запрете торговли. Нет и сведений о серьезном недостатке мануфактуры или массовых репрессиях. Совет конфисковал частные дома у зажиточных домовладельцев, но и это явно не было общей проблемой.

Подтверждает идейный кризис на заводе попытка представителей 2-й Армии набрать в июле 1918 г. добровольцев. По воспоминаниям политкомиссара А. П. Кучкина, последовал полный провал. Разболтанных рабочих удалось собрать с трудом,

и они к призывам остались равнодушны. Максимально они слушали более благожелательно (видимо, как «легальную оппозицию»), но добровольцев все равно записалось считанные единицы. Чуть лучше было в Воткинске, где рабочие верили раненому с фронта и некому сибирскому анархисту, и резолюция о поддержке советской власти собрала приличное число голосов. Но записавшихся на фронт было также мало. Даже ижевские большевики смотрели на делегацию «как на трусов, не могущих стойко биться с чехами» [13, с. 159–161]. Большевик А. Сафронов также упоминал, что срыву набора добровольцев способствовали анархисты во главе с эмиссарами из центра [11, л. 31]. Поэтому большевикам и их союзникам пришлось отправить на фронт многих своих членов, что ослабило их позиции на заводе.

Таким образом, основная масса рабочих к тому времени была безразлична к происходящим событиям и разочарована в большевизме, следствием чего стала возросшая популярность других партий. В то же время далеко не все из рабочих были настроены к советской власти и даже большевикам настолько враждебно, чтобы подняться против них с оружием в руках. Их позицию скорее можно определить как невмешательство.

Поэтому фактически инициативу восстания взяли на себя не рабочие и не полулегальные эсеро-меньшевики, а местный «Союз фронтовиков». История его появления и деятельности хорошо известна. В Ижевске он объединял бывших военно-служащих и появился весной 1918 г. на волне демобилизации старой армии. Он состоял в основном из местных уроженцев, из-за чего похожий «Союз солдат-рабочих, прибывших из войск», объединивший иногородних, отказался от слияния. «Фронтовики» не спешили признавать Советы, поэтому их устав не был утвержден. Это, впрочем, не помешало «союзу» присоединиться к «Союзу вечных воинов», и его глава, фельдфебель С. Солдатов, даже стал делегатом в Совете. В Воткинске же аналогичный союз был легальным, его глава тоже входил в Совет. Обе организации не проявляли себя в политике, однако держались независимо и даже весной пытались добиться права участвовать в управлении заводом [14, с. 6–8].

Каких-либо точных сведений о настроениях «союза» нет. Однако по многочисленным примерам подобных организаций можно судить, что это была типичная группа деклассированных военных, озабоченных в первую очередь личными выгодами и настроенная к большевикам отрицательно по материальным мотивам [15]. Данные аналогии косвенно подтверждаются свидетельствами. Так, большевик И. А. Окулов в с. Козловка вспоминал, что в начале восстания был арестован фронтовиками, среди которых были и большевики: «Таких товарищей у нас в волости насчитывалось больше десятка, всё время я с ними был не в ладах, так как они занимались больше непартийными делами: они обложили контрибуцией в свою пользу солдат старой армии, находившихся на работах в Ижевске, одних кулаков разоряли в корень, а других за небольшую мзду выгораживали». Теперь они с легкостью перешли на сторону врага, о чем почти прямо сказали самому Окулову: «Нас на фронте большевики обманом заманили в партию, а ты работаешь идейно» [16, л. 46]. Также известно, что «фронтовики» часто были озлоблены на большевиков из-за милитаристских убеждений, полученных на фронте. Такие

моменты тоже видны в Ижевске. В момент восстания они обвиняли большевиков, что те «предатели России, агенты Германии, изменники Родины». Антинемецкая пропаганда и лозунг борьбы с «германо-большевизмом» станут очень распространены в захваченном Ижевске [5, с. 272].

Как во многих других аналогичных «союзах», здесь так же было заметно влияние офицеров. По разным данным, только в Ижевске их насчитывалось от 200 до 350 чел., причем многие поступили на завод рабочими и служащими. В Воткинске младшие офицеры даже заняли все правление «союза», а один из них, М. М. Непряхин, также был членом эсеровского комитета [14, с. 10, 12–14]. Как и в других городах (например, Кузнецк, Верх-Исетск, Сатка, Красноводск), это позволило офицерам устроить заговор. В этом отношении офицеры играли среди «фронтовиков» на их корпоративном единстве как военных, что отмечалось в воззваниях и после восстания.

Формальным поводом для него стала мобилизация, объявленная на созванном ранним утром митинге большевиками 7 августа 1918 г. после взятия белыми Казани. Рабочие встретили весть спокойно, а около 300 человек из молодежи даже охотно записались на фронт. Это не должно особенно удивлять — есть много примеров того, как мобилизация позволяла пресечь колебания и коллективно вывести готовых подчиняться [5, с. 267].

По целому ряду воспоминаний можно судить, что эсеро-меньшевики сразу после этого стали агитировать рабочих, убеждая их не идти на фронт и защищать Учредительное собрание. Но непосредственно страсти накалила агитация «фронтовиков», что большевики арестовали не подчинившихся им членов «союза» и готовящихся их расстрелять [16, л. 65–66; 17, л. 1]. Реальной причиной ареста было требование «фронтовиков» вооружить их на месте, в чем легко были видны планы мятежа. 8 августа после митинга у Угольных ворот завода фронтовики сагитировали рабочих захватить винтовки в поверочной мастерской и начать восстание. Таким образом, оно было результатом сознательной провокации «фронтовиков» и эсеро-меньшевиков, которые, видимо, даже не упоминали о каких-то социальных проблемах.

По всей видимости, восстание опиралось на прежнюю политизированную часть рабочих с эсеро-меньшевистскими симпатиями. Однако не все были настолько мотивированными — хватало и колеблющихся элементов. Это видно из того, что некоторая часть рабочих и даже самих восставших проявляла неуверенность, и вначале, не желая кровопролития, склонялась к сложению оружия. По этой причине «фронтовики» задержали многих рабочих на заводе в первые же часы восстания, для чего были закрыты ворота — часть из них в итоге разбежалась, перебравшись через забор. Некоторые «умеренные» лица были даже среди «фронтовиков», как, например, член правления «союза» В. И. Солин [14, с. 15]. За переговоры выступили и некоторые социалисты. В итоге в Совет была послана делегация во главе с меньшевиком Попцовым. Однако в результате провокации «фронтовиков» переговоры были сорваны, и восставшие захватили город, а вскоре ими был захвачен и Воткинск [5, с. 274–275].

В Воткинске все развивалось очень похоже. Первоначально в нем Совет и профсоюзы заняли жесткую позицию по отношению к Совнаркому.

Однако уже в декабре стало заметным падение поддержки эсеров-меньшевиков. Даже в Союзе служащих после ухода из него большевиков с сочувствующими стало не хватать кворума [9, с. 4]. Как говорили очевидцы, в начале 1918 г. воткинский пролетариат раскололся на три части: «Настроение большинства рабочих было за то, зачем разогнали Учр. Собрание, другая часть защищала Советскую власть и третья совершенно не признавала никакой власти» [16, л. 3]. В январе 1918 г. большевики заняли большинство в Совете, но даже тогда их ряды не были крепки. Рабочий А. Назаров вспоминал, что к февралю на заводе было около 1000 большевиков, но «организация показалась слабой, и в этом я не ошибся» [16, л. 39]. Помогало им то, что их конкуренты выпустили инициативу из рук и тоже переживали упадок. Меньшевик Смирнов вспоминал, что в его партии началось разложение и отток. Несколько раз партком созывал собрание по этому поводу, но ничего не добился. К середине 1918 г. из 250 меньшевиков осталось 124 члена на 11 цехов и 4 городские ячейки. Большинство держались пассивно, «боясь втиснуться в борьбу лишь потому, что были мелкие собственники и жители Воткинска — просто обыватели» [16, л. 36]. Похоже, и в Воткинск пришли разочарование и уклон в «беспартийность».

Дальнейший ход событий очень напоминал положение в Ижевске. Как и в Ижевске, в Воткинске левацкие настроения захватили Красную гвардию. В апреле большевикам тоже пришлось разоружать «союзников» — анархистов, увлекшихся бесконтрольными «реквизициями» якобы для создания коммуны. Весна-лето тоже прошли для воткинских большевиков в ожесточенной борьбе. Оппозиция тщательно старалась их скомпрометировать. Так, квартирохозяевам было указано сдавать плату с постояльцев муниципальному отделу. Оппозиция это использовала, играя на собственнических интересах рабочих: «В этот период меньшевики, кадеты и эсеры вели усиленную травлю большевиков, разъясняя искажённо декрет об отмене частной собственности на дома, говоря, что все лачуги от рабочих отберутся и передадутся неимеющим в пользование, и это подтверждали фактами, а именно: что вот, мол, взяли большевики магазин Лепендина и разделили между собой, так возьмут и у вас дома, а население, как не знающее этого декрета, верило им и возмущалось — "как же так, я строил, я наживал, а другие придут и будут жить в нём"» [16, л. 5].

К лету популярность большевиков упала. Выборы заводоуправления от 11 июня 1918 г. их не устроили, и фактически оно было распущено. Та же история произошла с городским Советом [5, с. 281]. 19 июня пришлось созвать Воткинский съезд Советов, который признал советскую власть, но при этом 22 делегата предпочли с голосования просто сбежать. В то же время съезд потребовал отменить хлебную монополию, карательные экспедиции в деревню и «единоличную диктатуру на железных дорогах» [9, с. 6]. Видимо, в июле тоже пришлось собирать общезаводское собрание и митинг по вопросу «Советы или Учредительное собрание», и большинство высказалось за Советы. Вскоре новый состав Совета из большевиков с помощью красногвардейцев заставил старый передать дела [16, л. 4–5]. Эсеро-меньшевики частично были арестованы, фактически стали полулегальными и ушли в подполье.

Ижевское восстание тоже показало неспаянность местных коммунистов, к которым присоединилось много несознательных, а лучшие силы были на фронте. Первое же поражение — разгром посланного к Ижевску отряда в 250 человек — совершенно их деморализовало. Один из них подробно писал об этом: «Вот с этого дня ряды наши пошатнулись, коммунары стали нервничать. Вот только и смотри, сделают восстание. Малейшее упущение и весь актив будет перебит. Сделали отбор до 70 человек надёжных ребят и из него составили боевую роту. Заняли подпольную квартиру, куда поместился штаб, и 13-го августа партию объявили распущенной». Конечно, это убийственно для Совета, который растерял, по оценке автора, до 1500 вооружённых человек, включая анархо-максималистов, коммунаров и дружественную секцию матросов: «...наша партия в 1918 г. по количеству была большая, но в момент вливания в неё неустойчивых элементов и перебежчиков из других партий... из-за шкурнических личных интересов, ослабило нашу организацию» [16, л. 42–43]. То же о первых днях после восстания говорил и воткинец Туров: «Большинство членов партии большевиков заявило открыто, что они из партии выходят... даже нашлись и такие, что сами принялись сдавать винтовки, что говорило за то, что в партии не было понятия ни о дисциплине, ни о тактике и даже программе» [16, л. 5].

Считается, что вначале в восстании активно принимали участие около 3 тыс. «фронтовиков», 3 тыс. рабочих и 300 офицеров [2, с. 95]. Судя по отрывочным данным, преобладали квалифицированные рабочие. Так, очевидец А. Кузнецов был арестован самобилизовавшимися рабочими-меньшевиками Постольской железной дороги [16, л. 66–67]. Известны резолюции и пожертвования новой власти из механической, сверлильно-токарной и других мастерских. Также уже на первых порах в восстании активно приняли участие местные учащиеся. В числе первых был создан «отряд техников» из квалифицированных рабочих, служащих на заводе офицеров и слушателей Ижевской оружейной школы. О школе оставил воспоминания ее ученик А. В. Посажеников. Будучи технической, она была по быту близка к военному училищу, и ее выпускники психологией и мотивацией походили на царских юнкеров, т.к. получали при выпуске военные чины. Поэтому в целом политически темный состав учеников не сразу поддержал даже Временное правительство и резко не принял большевиков, распустивших армию [18, с. 14; 19, с. 10–11]. Неудивительно, что «отряд техников» стал одной из наиболее боеспособных частей повстанцев.

Фактически же власть перешла эсеро-меньшевикам и штабу «фронтовиков». Именно «фронтовики», как видно из документов, заняли лидирующие позиции в ряде органов. Они надзирали над контрразведкой, армией и порядком в ней — в военно-полевых судах и контрольных комиссиях. Верховенство в штабе принадлежало офицерам, что быстро вызвало недовольство — несмотря на единение в «союзе», с войны «фронтовики» вынесли антиофицерские настроения. Так, очевидец писал, что на офицеров смотрели как «на необходимое зло» [4, с. 156]. Штабу даже пришлось успокаивать массы в воззваниях, что офицеры не хотят «власти для себя» [20].

Что же касается основной массы рабочих, то об их взглядах на происходящее судить тяжело.

Очевидно, арестовав своих врагов, новые лидеры, не встречая сопротивления, быстро убедили их свернуть от советской власти к Учредительному собранию. За это говорит хотя бы то, что многие рабочие послушно служили в караульных командах, армии, органах новой власти. По словам свидетеля Гражданской войны М. А. Дорофеева, «рабочие, по-видимому, относились к новому порядку если не сочувственно, то со значительной долей доверия. На заседании разных учреждений и организаций выносились соответствующие резолюции, устраивались моления и крестные ходы, хотя участников в них было немного, но все же они имели коллективный характер» [21, с. 22]. Воткинский очевидец вспоминал: «...настроение большинства на 99 % из солдат было против большевиков и шли в бой с охотой (в то время в Воткинске было сильное влияние эсеров)» [16, л. 9].

Однако косвенные данные дают основание считать, что и после восстания среди большинства сохранился аполитизм. Так, 9 августа 1918 г. на Ижевском заводе прошел митинг по выбору коменданта города, в котором участвовало не более 1000 человек, а голосовало и вовсе не более 300 [7, с. 62]. Вскоре состоялись перевыборы правления завода. Из 60000 жителей в них участвовало 4137 рабочих, причем 325 опустили незаполненные бюллетени. Подавляющим большинством были избраны меньшевик Д. И. Крупин, эсеры В. И. Бузанов и П. А. Барышников [5, с. 303]. Косвенно инертность рабочих, даже тех, кто принял новую власть, показывает введение принудительной мобилизации. Хотя вначале власть не планировала этого делать, оказалось, что «добровольцами» удалось собрать 7–8 тыс. человек. Для первых боев приходилось даже хватать людей по улицам [2, с. 95].

Всего мобилизация дала, по разным данным, 20–35 тыс. чел. Она же в конечном итоге сыграла против учредителей, т.к. вобрала в армию многих, не желавших воевать в принципе. Как отмечал журналист Гутман-Ган, «началась обычная в то время пропаганда — примирения с большевиками и прекращения "братоубийственной" войны» [4, с. 156]. Характерно, что первые признаки этого были уже в конце августа. 19 августа Ижевский исполком постановил замеченных в агитации против переворота и «провокационных слухах» увольнять с завода [5, с. 320]. 26 августа по этой же причине было восстановлено военное положение, запрещены митинги и собрания. А 28 августа исполком передал власть Прикамскому комитету членов Учредительного собрания [22, с. 35, 25].

Все это только усилило деморализацию. В сентябре перебежчики сообщали: «Белые оборачивают вокруг пальца ижевцев. Накануне они объявили, что пришли спасать рабочих от мобилизации. Рабочие решили, что очень хорошо можно за спиной «белых благодетелей» попользоваться покоем мира. Но велико было их разочарование, когда чуть ли не на другой день по воцарении белые приказали всем стать под ружье, а кто не может идти с ружьем — обязан был под угрозой штыка рыть окопы» [23, л. 22]. То же было и в Воткинске: «Когда проводилась мобилизация, то много лиц не желало бы идти служить у белых, но, вследствие того, что большинство верило в восстановление Учр. собрания, а меньшинство, затаив злобу, подчинилось и попадая на фронт, переходило на сторону красных» [16, л. 5]. Воткинец П. Н. Луппов писал: «...руководители нового порядка сразу надавали

кучу обещаний различных свобод, всевозможных благ, а главное — дешевизны на продукты первой необходимости... Когда ни благ, ни свободы не пришло, а дороговизна с каждым днём увеличивалась, Воткинск превратился в какой-то малообитаемый остров, оторванный от всего мира. Степень доверия общества к новому порядку стала понижаться и сменилась наконец страхом перед грядущей Красной армией, которая в течение всех двух с половиной месяцев раскрашивалась всеми красками ада. Одни молились о чуде, которое бы даровало победу Народной армии, другие зывали только о спасении, ...третьи лихорадочно готовились к бегству...» [24, с. 205–206].

Есть также ценный документ, показывающий интересы восставших изнутри, а не на основе их громких воззваний — доклад двух офицеров, пробравшихся через этот район, штабу Сибирской армии: «Восставшие ижевцы... объединены большим воодушевлением, главным образом, в защите своего добра от большевиков, но не в целях общерусских. ...Кадровых офицеров не любят и отрицательно относятся к отличиям офицеров. Особенно неприязненно настроена против офицеров молодёжь, которая боится офицеров из-за отдания чести и из-за того, что офицеры их будут бить. Старики же держат себя людьми старого порядка и заставляют молодёжь идти в армию» [25, л. 101–102]. Эти мотивы видны и в разговоре колчаковского журналиста В. С. Иванова с ижевцами уже в 1919 г.: «Да, мы подняли восстание! — говорил один ижевец. — А почему? Да потому, что мы сами на заводе призывали к свободе. У нас и в старое-то время полиция по струнке ходила, безобразия не делала. Так почему же нам было сносить своевольство после революции? Жили мы на заводе тихо, мирно, у каждого свое хозяйство — коровы, куры, земля. А тут наехали питерчики, ни кола ни двора, отвалили кое-как свое на заводе, да и за поученье: и то не так, и это не так! Ну, и пошло дело» [26, с. 32].

В этих независимых друг от друга свидетельствах мы видим те же откровенно собственнические и консервативно-психологические мотивы. Армия на такой базе не могла быть прочной. Последний месяц восстания она буквально разваливалась из-за разложения. Дезертирство стремительно увеличивалось, что видно из многочисленных приказов командования. Была восстановлена смертная казнь, но она запоздала. 7–8 ноября красными был взят Ижевск, а 12 ноября — Воткинск.

И все же при крахе фронта многие повстанцы ушли не к красным, а на восток. Впрочем, не всегда причиной были убеждения. Напротив, есть много свидетельств, что отступали по чисто психологическим причинам — боясь мести и расправы: «Из-за боязни быть расстрелянными, многим, совершенно безучастным к восстанию, пришлось отступить в Сибирь», — писал воткинский меньшевик Смирнов, который сам бежал к знакомым на Урал, а после служил в Ижевской дивизии [16, л. 37]. Страхи эти тщательно культивировались пропагандой. Перебежчики сообщали: «Ряды белых редуют с каждым днем. Кулаки ведут агитацию, говоря, что те, которые находятся в руках белых, хотя бы и в качестве мобилизованных, будут расстреляны. ...Усиленно распространяются провокационные слухи о зверствах Красной армии и о том, что в рядах... находятся немцы, которые не щадят ни детей, ни женщин» [23, л. 2]. В Воткинске было то же: «Сами белые зверствовали страшно, а про крас-

ных распространяли самую подлую клевету, пугали красными, говорили, что если в Воткинск вернуться красные, то будут с живых сдирать кожу» [27, с. 448]. Как показывают свидетельства, многие верили в эту пропаганду и потому спасали свои жизни, попав на сторону белых в силу обстоятельств. Кроме того, по некоторым данным, как минимум из Воткинска военные старались увезти с собой все мужское население, способное носить оружие [17, л. 14].

Что до оставшихся, то внешне их настроения изменились. Например, многие рабочие участвовали в организованных властью митингах и собраниях. Уже 10 ноября 1918 г. на Ижевском заводе состоялся масштабный митинг, в котором участвовало до 10 тыс. рабочих. Собравшиеся отпраздновали Октябрьскую революцию с красными знаменами и поклялись увеличить производительность завода [28, л. 8].

Однако есть основания считать, что и тут население держалось пассивно, так как было запутано и запугано происходящим. Так, агитатор Шиханов сообщал в областной комитет партии: «Оппонентов б[ольшевикам] нет. Ораторам аплодируют. Но моё убеждение таково, что аплодисментами лишь откупаются от преследования и подозрения... Ижевский рабочий, в массе являясь высококвалифицированным, получал высокие ставки и до войны. За войну в особенности, и потому он «мелкообуржасился», и его заветная мечта — накопить грошей, выстроить двухэтажный домик и обеспечить себе старость по "сберегательной"» [29, л. 240]. Как и до и даже после восстания, на заводе отмечалась слабая, чисто патриархальная дисциплина. На заседаниях от 14 ноября власти отмечали: «Рабочие, как было до сего времени, к работе относятся халатно, являясь и уходя не по гудкам, работают слабо» [30, л. 15]. Лучше было положение в Воткинске, где белый террор (300 убитых, несколько сотен содержащихся на баржах, десятки жестоко заколотых штыками) был лучшей агитацией против учредилковцев: «Теперь заявляют остальные рабочие в своих резолюциях "не может быть речи о половинчатости и середине... и весь рабочий класс, все рабочие должны быть на стороне второго лагеря"» [29, л. 241]. Но, видимо, и там были похожие тенденции. Воткинец Луппов тоже вспоминал парад прибывших советских войск и торжества по случаю революции, но считал их бессмысленными и ненужными [24, с. 212].

Причины были те же — собственнический характер рабочих и их аполитичность. Сохранилось много документов, что это вызывало у коммунистов яркую неприязнь. Так, политработники 2-й Армии сообщали командованию: «Большинство рабочих Ижевского завода — мелкая буржуазия. Они имеют дома, скот, огороды, сеют хлеба, косят луга, спекулируют. Вообще подходят к типу кулаков. Пролетарского элемента мало» [31, л. 7]. Аналогично они обличали рабочих даже в печати: «Жизнь ижевцев роскошь в сравнении с жизнью пролетариата больших городов — это «рабочие-собственники»... Лучшие люди, приезжавшие сюда для агитации и пропаганды, гибли, но все-таки не рассеяли мрак сытой атмосферы ижевских буржуа» [32]. То же говорит донесение члена ВЦИК Захарова: «...масса рабочих сбежала с учредилковцами, да и остальной-то элемент в большой мере косо поглядывает на нас. Здесь масса рабочих с Обуховского завода и стариков, которые, так сказать, "с корнем вросли", обжа-

вельсь домишками, полями и лугами, ну и подавай им учредилку. Вот это главная причина Ижевского бунта». Он не сомневался, что придется убрать неоявных и предлагал заменить их питерцами куда более сознательными [33, л. 43 об.].

Наконец неприятный итог выяснился на выборах Совета 9 декабря 1918 г., в которых участвовало 26 тыс. чел. За коммунистов было отдано 10 тыс., за максималистов больше 8 тыс., 7 тыс. воздержались. Лозунгами «За Учредительное собрание», «За монархию», «Долой Советы» испорчено 482 бюллетеня. В итоге выборы пришлось объявить недействительными [21, с. 22].

Заключение. По итогам исследования можно прийти к следующим выводам. Настроения рабочих в 1917–1918 гг. определялись материальными обстоятельствами: улучшением условий труда и положением на заводе. В период подъема революции, проходившего с участием иногородних неимущих рабочих, это привело к популярности советской власти, большевиков и идей левого синдикализма. Однако в начале 1918 г. с прекращением войны и оттоком иногородних получившие необходимое от революции рабочие, часто имевшие мелкую собственность, изменили настроения. Большинство ушли в пассивность и конформизм, более активная часть квалифицированных рабочих отличалась симпатиями к эсеро-меньшевикам. На стороне большевиков и максималистов было меньшинство, к тому же не отличавшееся стойкостью. Опираясь на это, «фронтовики» и эсеро-меньшевики смогли поднять восстание и втянули в него значительные массы рабочих. Пользовавшаяся до последнего популярностью советская власть была быстро сменена на лозунг Учредительного собрания, который устраивал широкие умеренные слои своим нейтральным характером. Однако это было лишь политическое оформление. Реальная позиция рабочих — мелких собственников во многом зависела от личных мотивов. В начале большую роль играли желание избежать мобилизации и экономических тягот времени — потом конформизм и защита завода и себя от мести красных. В дальнейшем позиция оставшихся рабочих по-прежнему во многом определялась соображениями сохранения личных прав, собственности, конформизмом, бытовым консерватизмом.

Библиографический список

1. Дмитриев П. Н., Куликов К. И. Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. 392 с. ISBN 5-7659-0388-6.
2. Гражданская война в Удмуртии, 1918–1919 гг.: сб. ст. Ижевск, 1988. 175 с.
3. Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918–1920. Москва, 2008. 415 с. ISBN 978-5-8112-3360-1.
4. Гутман-Ган А. Два восстания // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Т. 3. С. 148–160.
5. Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России: 1917–1918 годы. Москва, 2004. 367 с.
6. Куликов К. И. История Удмуртии. XX век. Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с. ISBN 5-7691-1649-8.
7. Сапожников Н. Ижевско-Воткинское восстание // Пролетарская революция. Москва, 1924. № 8–9. С. 5–41.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 1. Д. 478.
9. Бехтерев С. А., Бехтерева Л. Н. Повстанческое движение на востоке России на начальном этапе Гражданской войны: причины и предпосылки // Вестник Нижегородского государственного университета. 2018. № 4. С. 3–9.

10. Удмуртия в период иностранной военной интервенции и Гражданской войны: сб. док. В 2 т. Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1960. Т. 1. 321 с.
11. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 168.
12. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 183.
13. Кучкин А. П. К истории Ижевского восстания // Пролетарская революция. 1929. № 6. С. 153–162.
14. Дмитриев П. Н. Организации бывших военнослужащих накануне Ижевско-Воткинского восстания // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 1. С. 5–28. EDN: RWXHTV.
15. Заяц Н. «Союзы фронтовиков» в 1917–1918 гг. и их роль в революции и Гражданской войне // От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: сб. ст. и материалов. Москва: АИРО-XXI, 2014. С. 509–547.
16. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 385.
17. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 216.
18. Посажеников А. В. Ижевск накануне восстания // Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 3 (20). С. 5–21. EDN: QFIQGI.
19. Маратканов В. А. Ижевская оружейная школа (1870–1918 гг.). Ижевск, 2016. 121 с. ISBN 978-5-9631-0501-6.
20. Ижевский защитник (Ижевск). 1918. 23 августа. № 1.
21. Кобзев И. Под красным знаменем против красных // Уральский следопыт. 1991. № 6. С. 18–24.
22. Цветкова В. Ж. Ижевско-Воткинское восстание. 1918 г. Москва: Посев, 2000. 116 с.
23. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 33. Д. 477.
24. Луппов П. О событиях 1918 г. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2018. № 1 (36). С. 193–215. EDN: XZCLGP.
25. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 39617. Оп. 1. Д. 178.
26. Иванов В. Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 3–75.
27. Коробейников К. А., Ларионова О. Ю. Воткинск в огне Гражданской войны. Ижевск, 2018. 714 с. ISBN 978-5-4344-0575-1.
28. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 376.
29. ЦДОСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 456.
30. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 34. Д. 346.
31. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 128.
32. Борьба (Ижевск). 1918. 15 ноября. № 36.
33. РГВА. Ф. 169. Оп. 2. Д. 1с.

ЗАЯЦ Николай Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории средней общеобразовательной школы № 1430, г. Москва.
SPIN-код: 8404-6016
AuthorID (РИНЦ): 959848
ORCID: 0009-0008-3265-2456
Адрес для переписки: nikza91@yandex.ru

Для цитирования

Заяц Н. А. Эволюция настроений ижевско-воткинских рабочих в октябре 1917–декабре 1918 гг. // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 1. С. 25–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-25-33.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023 г.

© Н. А. Заяц

THE EVOLUTION OF THE MOOD OF THE IZHEVSK-VOTKINSK WORKERS IN OCTOBER 1917–DECEMBER 1918

The article examines the problem of determining the views of Izhevsk-Votkinsk workers in 1917–1918, which led them to participate in the anti-Soviet uprising of 1918. The purpose of the study is to revise previous ideas about this subject and obtain reliable scientific knowledge about the moods and interests of the population of Izhevsk and Votkinsk in 1918. Based on the developments of historiography, as well as archival sources introduced into scientific circulation, it is established that the mood of the workers at these factories is determined by material and personal interests, characterized by patriarchy and weak politicization, the popularity of the moderate slogans of the Constituent Assembly and non-participation in the war. In conclusion, it is emphasized that the weak formalization of the workers' sentiments and the apoliticalism of most of them allowed first the Bolsheviks, and then their opponents, to establish themselves in power, but the indifference of the majority of workers in both cases weakened the position of the authorities.

Keywords: Izhevsk-Votkinsk uprising, anti-Bolshevik movement, working class, insurrectionary movement, Civil War, «democratic counter-revolution».

References

1. Dmitriyev P. N., Kulikov K. I. Myatezh v Izhevsko-Votkinskom rayone. [Mutiny in Izhevsk-Votkin district]. Izhevsk, 1992. 392 p. ISBN 5-7659-0388-6. (In Russ.).
2. Grazhdanskaya voyna v Udmurtii, 1918–1919 gg. [Civil War in Udmurtia, 1918–1919]. Izhevsk, 1988. 175 p. (In Russ.).
3. Efimov A. G. Izhevtsy i Votkinsy. Bor'ba s bol'shevikami [Izhevtsy and votkinsy. The struggle against the Bolsheviks 1918–1920]. Moscow, 2008. 415 p. ISBN 978-5-8112-3360-1. (In Russ.).
4. Gutman-Gan A. Dva vosstaniya [Two uprisings] // *Beloy Delo. Letopis' Beloy Bor'by. The White Cause. Chronicle of the White Struggle*. Berlin, 1927. Vol. 3. P. 148–160. (In Russ.).
5. Churakov D. O. Revolyutsiya, gosudarstvo, rabochiy protest: formy, dinamika i priroda massovykh vystupleniy rabochikh v Sovetskoj Rossii: 1917–1918 gody [Revolution, State, Workers' Protest: Forms, Dynamics and Nature of Mass Protests of Workers in Soviet Russia: 1917–1918]. Moscow, 2004. 367 p. (In Russ.).
6. Kulikov K. I. Istorija Udmurtii. XX vek [History of Udmurtia. XX century]. Izhevsk, 2005. 544 p. ISBN 5-7691-1649-8. (In Russ.).
7. Sapozhnikov N. Izhevsko-Votkinskoye vosstaniye [Izhevsk-Votkinsk uprising] // *Proletarskaya Revolyutsiya. Proletarian Revolution*. Moscow, 1924. No. 8–9. P. 5–41. (In Russ.).
8. Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Socio-Political History (RSASPH)]. File: 71/1/478. (In Russ.).
9. Bekhterev S. L., Bekhtereva L. N. Povstancheskoye dvizheniye na vostokey Rossii na nachal'nom etape Grazhdanskoy vojny: prichiny i predposylki [Insurrectionary Movement in Eastern Russia at the Initial Phase of the Civil War: Reasons and Preconditions] // *Vestnik Nizhnevartovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Bulletin of Nizhnevartovsk State University*. 2018. No. 4. P. 3–9. (In Russ.).
10. Udmurtiya v period inostrannoy voyennoy interventsii i Grazhdanskoy vojny: sb. Statey. V 2 t. [Udmurtia in the period of foreign military intervention and Civil War. Collection of documents: collection of articles: collection of documents. In 2 vols.]. Izhevsk, 1960. Vol. 1. 321 p. (In Russ.).
11. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti (TsDOSOO) [Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk Region (CDPOSR)]. File: 41/2/168. (In Russ.).
12. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/183. (In Russ.).
13. Kuchkin A. P. K istorii Izhevskogo vosstaniya [To the history of the Izhevsk uprising] // *Proletarskaya Revolyutsiya. Proletarian Revolution*. 1929. No. 6. P. 153–162. (In Russ.).
14. Dmitriyev P. N. Organizatsii byvshikh voyennosluzhashchikh nakanune Izhevsko-Votkinskogo vosstaniya [Organizations of former military personnel on the eve of the Izhevsk-Votkinsk uprising] // *Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2014. No. 1. P. 5–28. EDN: RWXHTB. (In Russ.).
15. Zayats N. «Soyuzы frontovikov» v 1917–1918 gg. i ikh rol' v revolyutsii i Grazhdanskoy vojne [«Unions of front-line soldiers» in 1917–1918. and their role in the revolution and civil war] // *Ot «Germanskoy» k Grazhdanskoy: Stanovleniye Korpusa Narodnykh Vozhakov Russkoy Smuty. From «German» to Civil: the Formation of the Corps of People's Leaders of the Russian Troubles*. Moscow, 2014. P. 509–547. (In Russ.).
16. TsDOOSO [CDPOSR]. File: 41/2/385. (In Russ.).
17. TsDOOSO [CDPOSR]. File: 41/2/216. (In Russ.).
18. Posazhennikov A. V. Izhevsk nakanune vosstaniya [Izhevsk on the eve of the uprising] // *Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2014. No. 3 (20). P. 5–21. EDN: QFIQGI. (In Russ.).
19. Maratkanov V. A. Izhevskaya oruzheynaya shkola (1870–1918 gg.) [Izhevsk armory school (1870–1918)]. Izhevsk, 2016. 121 p. ISBN 978-5-9631-0501-6. (In Russ.).
20. Izhevskiy zashchitnik (Izhevsk). *Izhevsk Defender (Izhevsk)*. 1918. August 23. No. 1. (In Russ.).

21. Kobzev I. Pod krasnym znamenem protiv krasnykh [Under the red banner against the reds] // Ural'skiy Sledopyt. *Ural Pathfinder*. 1991. No. 6. P. 18–24. (In Russ.).
22. Tsvetkova V. Zh. Izhevsko-Votkinskoye vosstaniye. 1918 g [Izhevsk-Votkinsk uprising. 1918]. Moscow, 2000. 116 p. (In Russ.).
23. RGASPI [RSASPH]. File: 71/33/477. (In Russ.).
24. Luppov P. O sobyitiyakh 1918 g. [About events of 1918] // Idnakar: Metody Istoriko-Kul'turnoy Rekonstruktsii. *Idnakar: Methods of Historical and Cultural Reconstruction*. 2018. No. 1 (36). P. 193–215. EDN: XZCLGP. (In Russ.).
25. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenny arkhiv (RGVA) [Russian State Military Archive (RSMA)]. File: 39617/1/178. (In Russ.).
26. Ivanov V. N. Iskhod. Povestvovaniye o vremeni i o sebe [Exodus. A story about time and yourself] // Dal'niy Vostok. *Far East*. 1994. No. 12. P. 3–75. (In Russ.).
27. Korobeynikov K. A., Larionova O. Yu. Votkinsk v ogne grazhdanskoy voyny [Votkinsk in the fire of Civil War]. Izhevsk, 2018. 714 p. ISBN 978-5-4344-0575-1. (In Russ.).
28. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/376. (In Russ.).
29. TsDOOSO [CDPOSR]. File: 41/2/456. (In Russ.).
30. RGASPI [RSASPH]. File: 71/34/346. (In Russ.).
31. RGASPI [RSASPH]. File: 71/35/128. (In Russ.).
32. Bor'ba (Izhevsk). *Struggle (Izhevsk)*. 1918. November 15. No. 36. (In Russ.).
33. RGVA [RSMA]. File: 169/2/1c. (In Russ.).

ZAYATS Nikolai Alekseevich, Candidate of Historical Sciences, Teacher of History, Secondary General Education School No. 1430, Moscow.
SPIN-code: 8404-6016
AuthorID (RSCI): 959848
ORCID: 0009-0008-3265-2456
Correspondence address: nikza91@yandex.ru

For citations

Zayats N. A. The evolution of the mood of the Izhevsk-Votkinsk workers in October 1917–December 1918 // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 1. P. 25–33. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-1-25-33.

Received September 8, 2023.

© N. A. Zayats